

Людмила Ржевская
Время не лечит

Людмила Ржевская

Время не лечит

«Издательские решения»

Ржевская Л.

Время не лечит / Л. Ржевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749910-5

Данный роман — продолжение серии о японской разведчице Азэми. На этот раз она в Аргентине в немецком городе работает помощницей профессора Генриха Краузе и проводит вместе с ним эксперименты по клонированию человека и генетическим мутациям...

ISBN 978-5-44-749910-5

© Ржевская Л.
© Издательские решения

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Время не лечит

Людмила Ржевская

© Людмила Ржевская, 2016

© Дарья Федотова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Адам снова пришел в ту квартиру, где они жили с Азэми последние дни перед ее отъездом во Владивосток, в Японию, а потом в Берлин.

«Как быстро летит время, – думал он, – вот уже прошло больше года, у Эми появилось четверо детей – двух ее клонов, девочек, и двух мальчиков, клонов немца. Почему она не сделала моих клонов, почему не попросила моих клеток и моей крови? Чем я хуже этого немца? Почему я не могу забыть ее? Ведь у меня есть Джулия. Да, Джулия, хорошая, красивая, ласковая и верная жена. Но она не Азэми. Не этот „дьявольский цветок“, который заставил меня влюбиться, как мальчишку, и страдать, страдать от безответной любви. Но ведь любила же она меня, любила, и нам было хорошо с нею вдвоем. Даже очень хорошо! Кому хорошо? Мне или ей? Нам обоим. А что если выкрасть Азэми вместе со всеми ее детьми-клонами из этого немецкого города в Аргентине, поселить на одном из моих островов и навещать ее там, когда мне очень захочется ее увидеть? Мне без нее плохо, я просто потерял, я схожу с ума, меня ничего не устраивает, я брожу по этой квартире в поисках воспоминаний о ней, моей самой любимой женщине, моем „цветке чертополоха“. Я как будто не живу, словно умираю. Что она сделала со мной? Приворожила? Что же делать? Идея выкрасть ее вместе с ее детьми не оставляет меня в покое. Кто мне поможет вывезти ее из Аргентины или выманить в гости на остров вместе с детьми, но этот немец, разве он отпустит ее одну, да еще с детьми?! Нет, надо что-то придумать, надо выманить ее из этого города, чтобы она сама захотела приехать на любой из моих островов. Но для начала я снова полечу к ней под видом отца и попрошу сделать мне клона-брата. Но что скажут Ян и Том? Они сочтут меня сумасшедшим. Что со мной? Патологическая любовь к женщине как болезнь, или я действительно влюбился в нее, как мальчишка. Мне без нее очень плохо. Так плохо, хоть застрелись! Ну что же, посмотрим, что мне скажут мои друзья; может, я правда просто сошел с ума или это она лишила меня и покоя, и рассудка?»

Полковник пошел к себе в офис и вызвал Яна. На улице стояло пекло, август в Марокко выдался в этот год невероятно жарким. Температура воздуха зашкаливала за сорок градусов. Пришлось на базу брать дополнительно еще одного садовника, чтобы успевать опреснять воду из моря и поливать сад и аллеи. А снаружи, вокруг базы, все пожухло. Трава сгорела, пальмы засохли. И только на их огороженном участке зеленел сад и аллеи, как в хорошем оазисе. Адам позвонил Яну:

– Ян, зови Тома, и ко мне в кабинет, дело есть.

– Сейчас будем, Полковник, а что за срочность?

– Придете, расскажу.

Через десять минут после звонка Ян и Том были в кабинете у Адама.

– Слушаем тебя, Полковник, что приключилось, что ты нас из постели вытаскиваешь, обеденный перерыв, я лично поспать решил, – говорил Ян. – Жарища на улице, вечером у меня прием новых курсантов, и так не высыпаясь каждый день».

– Хватит ворчать, Док, у меня к вам дело. Надо придумать, как вытащить Азэми из ее города к нам на базу, хотя бы на время.

– Ты в своем уме, Адам? Что мы можем придумать, чтобы она наши мысли не прочитала раньше, чем сядет к тебе в самолет? Это должно быть что-то особенное и правдивое, иначе она не клюнет на наши хитрости, – возмутился Том. – И зачем она тебе сейчас понадобилась? У нее там четверо детей, она мамочка, семья, муж, лаборатории, работа и задания японцев!

– Все задания своих японцев она уже выполнила. Дети? Да, но разве она не может их оставить хотя бы на неделю с мужем и няньками. И Гретта там тоже, как квочка, с малышами возится, – возразил Адам.

– Тогда объясни, зачем она тебе сейчас? – спросил Ян.

– Я хочу, чтобы хоть ненадолго она вернулась к нам на базу, я умираю без нее, я стал злым, раздражительным, мне ничего не мило, мне жить без нее не хочется!

– А как же Джулия?

– Джулия, она хорошая, Ян, добрая, верная, но она не мой «цветочек», нет в ней того темперамента и той горячности, что у Азэми, я с ума схожу по своему «дьявольскому цветку».

– Ты еще не забыл ее, Адам? Быть с нею еще больнее, чем без нее!

– Я помню муки ревности. Наверное, хуже ада видеть, как она с другим, или думать об этом, – проговорил Том с грустью в голосе. – Я ведь ее тоже безумно любил, хорошо, что у меня есть Зиновья и дочка. Дочка меня вылечила от этой безнадежной любви. Я не знаю, что тебе ответить, Адам, и не знаю, что придумать, чтобы наша Эми все бросила и прилетела к нам. Надо думать.

– Даю вам на размышления сутки, придумайте что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы выманить ее сюда к нам или на один из островов.

– А может пригласить ее в один из наших госпиталей, чтобы она могла набрать клеток у наших лучших курсантов, солдат или офицеров, они все раненые. Сделать забор крови и взять кусочек ткани у больных не проблема, если она так помешана на своих клонах, – предложил Ян.

– Да ты гений, Док, именно на это она и клюнет, дай я тебя поцелую!

– Не надо, Адам, – засмеялся Ян, – ты три дня уже не брился, поцарапаешь мою нежную кожу, а у меня сегодня ночь с женщиной.

– Ты нашел себе новую любовницу? – спросил Том. – После того как Хана сбежала от тебя в Танжере, ты места себе не находил. Кто она?

– Это секрет, друзья мои, – ответил Ян, улыбнулся и спросил: – А за хорошую идею мне полагается отпуск на пару дней?

– Да, Ян, два дня у тебя выходные. А я со своим «цветочком» пока свяжусь. Пусть ждет меня и готовится к поездке.

Адам тут же позвонил Эми.

– Добрый день, доченька! У тебя есть минутка поговорить со мной?

– Минутка есть, если что-то такое, то лучше напиши шифровкой, я вечером прочитаю, а сейчас я занята, у меня срочная работа. Я скажу по тебе, папочка.

– Эми, детка, обязательно прочти все, что я тебе напишу. Это очень интересно.

И Адам отправил Эми свое предложение о заборе клеток и крови у молодых бойцов. Перед выходом из лаборатории Эми прочла сообщение Полковника. Его письмо очень заинтересовало ее. Она решила посоветоваться с Генрихом. Зашла к нему в кабинет.

– Генрих, послушай, что пишет мой отец, он прикупил себе на одном острове в теплом море санаторий. К нему сейчас на лечение привезли много раненых солдат и офицеров разных национальностей. Есть экземпляры, которые могут нас с тобой заинтересовать. Как ты думаешь, стоит полететь и набрать новой крови и клеток молодых здоровых мужчин? Представляешь, каких красавцев мы можем с тобой вырастить для нашего гарнизона, если клетки одной нации скрестим с другой!

– Ты как всегда, мотылек, в своих фантазиях, хотя это уже реальность, а что, идея неплохая. Нам пригодится новый материал. Если твой отец сам за тобой прилетит и потом доставит назад.

– Да, Генрих, надо только Рудольфа подготовить к моему отъезду, ему не нравится наша с тобой работа. Он не понимает, что мы стараемся улучшить человечество. Скажешь ему, что это ты меня посылаешь в командировку. Что это необходимо. В любом случае я позвоню отцу и скажу, чтобы прилетел за мной в субботу. Пусть приготовят для меня специальную тару, там жара. Это надо учесть. Правда хорошо, что у моего отца есть самолет?

– Девочка моя, если бы у твоего отца не было самолета, я бы тебе сам купил его. Ты мое сокровище, ты не просто моя помощница, ты мой земной ангел, я теперь знаю, кому оставлю свою клинику и научные эксперименты. Ты справишься. Ты – гений.

– Спасибо, Генрих, за доверие. Я тебя не подведу, я постараюсь освоить все и пойти дальше. Так, я звоню отцу?

– Звони и позови Матильду.

Эми позвонила Полковнику:

– Папочка, дорогой, прилетай за мной в субботу. Я полечу с тобой на экскурсию.

Как только Адам получил это сообщение, засмеялся, пошел приводить себя в порядок и подумал: «Надо бы съездить в Танжер за подарками для Эми и ее крошек. Да и для себя купить браслет у китайца. Пожалуй, уже сделал». И веселый, напевая свой любимый марш, он отправился за машиной и поехал в Танжер к китайцу. Браслет был готов, он напоминал украшения Эми и больше был похож на женский, чем на мужской. Но Полковник взял его, рассмотрел со всех сторон, проконсультировался у продавца, что и когда надо менять в этом очень «интересном» браслете, и довольный пошел гулять по базару, покупая всякие безделушки для детей.

В кабинет к Генриху пришла Матильда:

– Дорогая моя, приготовь тару и наши инструменты для забора крови и новых клеток у пациентов. Не забудь, Эми полетит за материалом для нас на жаркий остров. Все должно быть в холодильнике.

– Она полетит одна?

– Нет, за ней прилетит ее отец. Я бы с ней послал тебя, да ты не можешь, у тебя малышка.

– Ты отпустишь ее без охраны?

– А зачем ей охрана? Она сама себе и нам всем охрана. Видела бы ты, как она управилась со змеей и спасла меня! Не переживай, ее никто не сможет похитить, она вернется к своим детям. Их у нее сейчас четверо. Кстати, она и Рудольфа приучила к малышам, он теперь в них души не чает, особенно в девочках.

– И все же, Генрих, я бы с ней отправила нашего врача на всякий случай.

– Это ни к чему, Матильда, он будет только лишние подозрения вызывать у окружающих. Эми – наша, настолько наша, что она мне становится ближе моих детей. Разумеется, Матильда, ты исключение. Ты – моя единственная любовь на всю жизнь.

– Я знаю это, Генрих, я не ревную тебя к Эми, ее интересуют эксперименты больше, чем мы все. У нее идея – вывести новую породу людей.

– И она это сделает, вот увидишь.

Вечером Эми написала Адаму: «Не забудь свой дипломат и предупреди Дийо: пусть в воскресенье прилетит на твой остров, я отдам ему кое-что». «Все твои приказы будут выполнены, королева моя», – ответил Полковник.

За ужином Генрих заговорил с домашними, что хочет на неделю отправить Эми в командировку по делам клиники.

– Ты, наверно, сошел с ума, отец, – возмутился Рудольф, – а как же малыши без своей мамочки, а я без своей жены? Ты и так держишь ее целыми днями в своих лабораториях! Теперь еще командировка! Что, больше послать некого?

– Правда, Генрих, что ты придумал? Какая командировка? Эми нам всем здесь нужна! – возмутилась Гретта.

– Милые мои, любимые, не надо нападать на Генриха, за мной прилетит отец, я всего лишь на несколько дней улечу и вернусь. Зато для наших экспериментов я наберу отличный материал. В нашем городском гарнизоне будут лучшие в мире солдаты!

– Твои фантазии, Эми, меня уже начинают раздражать. Ты, как фанатик, еще похуже моего отца! – возмутился Рудольф. – Упрямая как осел, если что в голову взбрело, ничем не выбьешь, даже дети не останавливают тебя от твоих экспериментов.

– Рудик, миленький, не сердись, мы с твоим отцом мир перевернем, мы таких идеальных людей сделаем, что нам потом вся Планета спасибо скажет! Лучше не ругайся, а поддержи меня, ведь все равно полечу, знаешь же, я очень скоро вернусь. А тебе придется побыть с малышками.

– Понял уже, что ты на меня их бросаешь.

– Я их не бросаю, оставляю всего на одну неделю с тобой, а может, и того меньше. Тебе Гретта поможет, и две няньки есть.

Эми встала из-за стола, подошла к Рудольфу, поцеловала его в щеку:

– Милый, не будем ссориться, да?

– Вот подлиза! – засмеялся Рудольф. – Да когда я с тобой ссорился? Ты же делаешь все, что только пожелаешь, а я обязан тебе во всем потакать. И как ты только умудряешься всех в себя влюблять? Даже мама моя в тебе души не чает, хотя ты повесила на нее четверых младенцев.

– Не преувеличивай, Рудольф. Эми детьми каждый день и сама занимается, к тому же отцу своему во всем помогает, ты же отказался с ним вместе работать, – заступалась за Эми Гретта.

– Вот-вот, я же говорю: все на стороне моей жены! Ну, так и быть, останусь с детьми за папочку и за мамочку, – засмеялся Рудольф и поцеловал Эми. – Пошли, жена, проведем наших детей. Расскажи я сейчас своим бывшим друзьям из наци, что за год с небольшим стал отцом четверых детей, не поверили бы и на смех меня подняли.

– А ты им, Рудик, фото пошли. Сядь на диванчик, девочек с одной стороны, мальчиков – с другой, они-то точно твоя копия. Фото получится замечательное. То-то шуму наделает среди твоих родственников этот снимок. А что про меня говорить начнут: маленькая, а четверых сразу родила. Но это обязательно тебе в заслугу поставят, – смеялась Эми.

Но фото сделали и с телефона послали на телефон дяде в Берлин. Под фото стояла подпись: «Дядя, это наши с Эми дети, два мальчика и две девочки».

В Берлине Гюнтер и Вальтер Краузе ужинали, когда на телефон дяди Гюнтера пришло фото с подписью. Гюнтер отложил ложку и уставился в телефон.

– Отец, что тебя там в телефоне так шокировало, ты весь побледнел? Кто прислал эсэм-эску?

– Вальтер, посмотри, это твой брат, и у него уже четверо детей!

Вальтер взял у отца телефон, посмотрел фото.

– Сейчас выведу на компьютер, там увеличим и рассмотрим как следует.

Вальтер перестал есть и пошел в комнату за компьютером. Перекачал фото. С экрана на него смотрел Рудольф и улыбался, на руках он держал двух девочек и двух мальчиков.

– Отец, ты только посмотри, мальчики копии Рудольфа, а девочки – японки. Вот это Рудик постарался! А англичанка-то сама махонькая, а четверню сразу родила. Ты только посмотри, какие уже бутузы. Значит, наш Рудик уже папочка четверых детей, то-то ребята посмеются.

Гюнтер уставился на экран. Он понял, каким способом Рудольф сразу получил четверых детей. Он бывал у брата в Аргентине, бывал в его лабораториях, но мало верил, что однажды

эксперимент Генриха увенчается успехом. И вот оно, фото. Значит, у брата все получилось. Какой скрытный Генрих, ведь ему до сих пор ничего не сказал.

– Вальтер, ты не станешь никому показывать это фото, никому! Ты слышишь меня? Никому!

– Это еще почему? Твой племянник делится с тобой такой радостью, что он стал папашей сразу четверых детей, а мне Рудик все же брат, хоть и двоюродный, а я даже ребятам из нашей общей компании не могу фото показать?

– Не можешь, Вальтер, я запрещаю пока тебе это делать. Завтра же я вылетаю к ним в Аргентину. Ты останешься на хозяйстве. Да, девок своих сюда не води. Хочешь веселиться, снимай отель, а чтоб дома у меня был порядок. Билет мне на утро закажи. А я позвоню брату.

– Добрый вечер, Генрих, хочу к тебе в гости. Фото внуков твоих получил, очень интересная картинка. Даже не отговаривай, все равно прилечу. Разговор есть и предложение.

Генрих промолчал о разговоре с братом. Не захотел тревожить Эми и Рудольфа. Только подумал: «Зря фото посылали, Гюнтер догадался обо всем. Теперь придется не только все рассказывать брату, но и показывать свои лаборатории. А когда предлагал ему работать вместе, он отказался, не поверил, что такое станет возможным».

Вальтер заказал билет отцу в Буэнос-Айрес на двенадцать часов дня. Как только отец уехал в аэропорт, он тут же позвонил Эрику в ресторан:

– Привет, друг, собирай всю нашу компанию на вечер у тебя в ресторане, новость есть.

– Что за новость? Всех обзвоню, кто сможет, придет.

– Вечером увидишь.

Вальтер распечатал фото Рудольфа с детьми на глянцевого бумаге, снимки получились красивыми. «Вот и славно, раздам каждому, пусть любуются на друга и новоиспеченного папашу. Надо бы поздравить Рудика. На свадьбу не пригласил, может, хоть на крестины детей позовет. Вечером все вместе с ребятами и поздравим».

К 19 часам в ресторан, на самом выезде из Берлина, собралась вся компания наци, куда входил Вальтер Краузе и Рудольф Краузе – до женитьбы на Эми. Сдвинули столы, заказали пиво, чужих в ресторане не было.

Вальтер каждому раздал фото Рудольфа с детьми. За столами раздался дружный хохот: – Вот это Рудик! Сразу четверых заделал своей англичанке! Только что-то не пойму, два-то пацаненка точно его, вылитые Рудик, а девчонки-то – азиатки? Когда это она успела Рудики изменить?

– Да уж, успела, такая красotka кого хочешь с ума сведет!

– Ну что, ребята, звоним Рудольфу и поздравляем с пополнением в семье! Теперь-то ему уж точно не до нас! Многодетный папаша!

За столом снова захохотали. Вальтер набрал номер телефона Рудольфа. Рудольф, не глядя, включил громкость: в это время он занимался с детьми, Эми ела фрукты, Гретта помогала накрывать на стол, Генрих читал газету. По столовой понесся смеющийся голос Вальтера:

– Привет, братишка! Тебя наши ребята поздравляют с пополнением в семье, ты теперь у нас многодетный папаша. И как это ты умудрился сразу четверых своей англичанке забабашать! – Было слышно, что там, на другой стороне, раздается хохот. Вальтер продолжал: – Ну, пацаны-то точно твои, одно лицо, а вот девчонки? Когда твоя жена успела тебе изменить с азиатом? – В телефоне снова раздался смех.

– Вальтер, моя жена мне не изменяла. У нее мама чистокровная японка, так что наши девочки похожи на свою бабушку. А мальчики, разумеется, на меня. А тебе что, завидно? Женись, делай себе детей и радуйся жизни, а не шатайся по кабакам! – парировал Рудольф.

– К вам мой отец полетел, не забудь встретить. Он крестины ваших детей пропустить не хочет.

- Не переживай, встретим, и хватит смеяться, фотки-то хоть классные сделал?
- Классные, классные! Всем нашим ребятам раздал.

Рудольф выключил телефон. Эми посмотрела на Генриха:

- Почему вы не сказали, что к вам из Берлина прилетает ваш брат?
- Эми, он мой брат, и я обязан его встретить.

– Но я не хочу, чтобы он встречался с моим отцом. Отец прилетает в субботу.

– Эми, сегодня только среда, думаю, что до субботы Гюнтер улетит домой, он не может надолго оставить свою клинику.

– Генрих, почему ты мне не сказал, что к нам прилетает Гюнтер? – спросила Гретта.

– Да, отец, что за тайны? – вступил в разговор Рудольф. – И если бы сейчас не позвонил Вальтер, мы бы так и не знали, что ты ждешь брата!

– Не хотел раньше времени вас всех тревожить, Гюнтер до ворот города доедет на такси, так что далеко мне за ним ехать не придется. Кстати, если бы не ваша дурацкая идея послать дяде твое фото с детьми, он бы не приезжал. В конце концов, что тут особенного – приезжает мой брат? Он нам не враг. Мы выросли в этом городе вместе с ним, это потом он уехал в Берлин, а я остался здесь продолжать дело моих родителей. Думаю, что надолго он у нас не задержится. А места на вилле у нас много, всем хватит.

Эми молчала, потом попросила:

- Генрих, покажи мне фото твоего брата. У вас же есть семейный альбом?
- Гретта, подай, пожалуйста, Эми наш семейный альбом.

Гретта пошла в свою комнату и через минуту вернулась с очень толстым альбомом. Открыла страницу, где Генрих и Гюнтер стоят на лугу, обнявшись.

– Генрих старше Гюнтера на два года. Но на фото выглядят будто двойняшки, – пояснила Гретта. – Гюнтер всегда был выше и крепче Генриха. И замуж я должна была выйти за Гюнтера, но он уехал, и мне достался Генрих. Мы работали вместе с Генрихом в клинике. Это сейчас я редко бываю в его лабораториях, а раньше часто помогала мужу. Теперь, Эми, ты стала помощницей Генриха. Я этому очень рада. А малыши мне не в тягость. С детьми старость не замечается.

Эми внимательно разглядывала фото. Нет, этот человек ей был не знаком. «А Полковнику? Он ведь раньше очень часто бывал в Берлине. Вдруг их пути пересекались? – думала Эми. – Нельзя, чтобы они здесь встретились, вся моя работа может пойти прахом, да и мои дети, я к ним так привязалась, к семье, к Рудольфу, к Генриху, никак нельзя допустить их встречу на вилле. Если Гюнтер не улетит раньше, значит, я поеду сама в аэропорт и там встречу „отца“, и сразу же улечу с ним на остров. Так и поступлю».

– А вы похожи, но не очень. У Гюнтера более грубые черты лица, а вы, Генрих, гораздо симпатичнее брата. Вот и Рудольф на вас похож, красавчик мой. Рудик, хватит возиться с детьми, отдай их няням, иди за стол, ужинать пора.

– Да, Рудольф, тебя ждем, – поддакнула Гретта. – Линда, подавай на стол.

Ели молча. Брат Генриха в этом доме был нежеланным гостем.

Утром Генрих привез на виллу Гюнтера.

– А на вилле родителей ничего не изменилось, – сказал Гюнтер, – все то же, даже мебель старая. Знакомь со своим пополнением в семье.

– Сейчас вся семья придет завтракать, и ты всех увидишь.

Первой пришла Гретта, она улыбнулась Гюнтеру, подала ему руку:

– Доброе утро, Гюнтер, давно ты не был в родных краях. Какое любопытство тебя на этот раз привело? Наши внуки?

– Угадала, Гретта, именно ваши внуки заставили меня бросить клинику на пару дней и примчаться к вам. Перелет не из легких. Пятнадцать часов в самолете, все косточки онемели. Проводи меня в комнату, душ приму после дороги.

Гретта повела Гюнтера в его комнату.

– Она твоя. Мы в ней ничего не меняли, только горничная убирает ее раз в неделю, чтобы пыли было поменьше.

– Надо же, все оставили, как было при родителях! Не думал, что все мои вещи сохранишь. – Гюнтер внимательно посмотрел на Гретту: – Ты все еще помнишь меня?

– Ты хотел спросить, люблю ли я тебя? Нет, Гюнтер, твой брат Генрих оказался лучше тебя, надежнее, мне с ним спокойно. А ты меня тогда даже не позвал с собой.

– Куда, Гретта? Я сам ехал в неизвестность. Мне наш маленький городок в ту пору осточертел, я вырваться хотел из-под опеки родителей. В большое плавание шел. Вот теперь у меня своя клиника в Берлине. Вижу, и Генрих время зря не терял.

– Располагайся, принимай душ и выходи к завтраку, если хочешь всех застать дома и познакомиться с нашей невесткой и их с Рудольфом детьми.

– Гретта, но ведь дети – клоны, да?

– Это ты у Генриха с Эми спросишь.

Гретта повернулась и ушла.

Гюнтер к завтраку не опоздал. Все уже сидели за столом и ждали гостя.

– Спасибо, Генрих, что сохранил мою комнату в прежнем состоянии. Всем приятного аппетита. – Гюнтер поклонился и сел рядом с Генрихом. – Как вас всех зовут, я знаю, можете не представляться. А ты, Эми, еще прекраснее в жизни, чем на фото в газетах. И ходят слухи, что очень богата. Интересно, чем же тебя привлек Рудольф?

– Любовью, дядя Гюнтер, – улыбнулась Эми и посмотрела на него в упор. – Так, как умеет любить Рудик, вряд ли еще кто-нибудь может. Мы любим друг друга, у нас уже четверо детей, и я бы попросила вас не затрагивать больше тему наших семейных отношений.

Гретта осуждающе посмотрела на Гюнтера:

– Оставь наших молодых в покое, сейчас няни принесут детей. Посмотреть хочешь?

– Очень хочу.

В комнату вошли две няни, одна на руках держала девочек, другая – мальчиков. Гюнтер встал из-за стола и подошел к няням с детьми.

– Какие все крепыши, мальчики Рудика, а девочки? Сходство с Эми есть, но совсем небольшое.

– А наши девочки похожи на свою бабушку-японку, – сказал Рудольф. – Они у нас очень смышленные, им скоро будет годик, а они уже сами стоят, говорят, поют песни, ходить начинают, а разговаривают сразу на трех языках – на немецком, японском и испанском.

– Вижу-вижу! Дети здоровенькие, глазки умненькие. Просто замечательное потомство. Генрих, ты меня сегодня с собой возьмишь в свою клинику. Хочу все увидеть своими глазами.

– Куда от тебя деться, раз уже прилетел. Эми, возьмем его с собой?

– Клиника ваша, Генрих, вам решать.

– Ладно, Гюнтер, допивай кофе и собирайся. Нам с Эми пора выходить. Рудольф, отвези их к воротам клиники, а я на своей рыжей Красавице поеду.

– Да, отец, подвезу. Только Гюнтера без тебя туда не пустят.

– С Эми пустят, она у нас психолог, кого хочешь уговорит.

Все встали из-за стола, поблагодарили Гретту и вышли. Рудольф завел машину. Эми села рядом с мужем, на заднее сиденье сел Гюнтер.

– А город совсем не изменился, все такой же чистый, ухоженный, домов прибавилось. На какие средства живет город, Рудольф? Ты никогда ничего не рассказывал ни об отце, ни о его клинике, ни о городе.

- Дядя Гюнтер, пусть вам на все ваши вопросы ответит отец.
- Хорошо, постараюсь сам все увидеть. А кто у вас сейчас мэр?
- Друг ваш бывший, Петерс.
- Вот как? Надо бы вечером и его навестить. Не виделись больше тридцати лет.

У ворот клиники машину остановил охранник, заглянул внутрь.

– Ганс, со мной брат Генриха, Гюнтер, – сказала Эми, – Рудольфа ты хорошо знаешь, Генрих сейчас подъедет на своей рыжей Красавице.

Ворота открылись и пропустили машину. Все трое поднялись в кабинет к Эми (у нее в клинике уже был свой личный кабинет). Рудольфу не терпелось увидеть реакцию дяди на происходящее в лабораториях отца. Он позвонил мэру:

– Петерс, извини, сегодня на работу я не выйду, у нас гость, приехал Гюнтер. Вечером мы будем у вас.

– Обязательно приходите, Гюнтера не видел тридцать лет, хочу посмотреть, какой он стал.

Через пять минут в кабинет к Эми вошла Матильда. Гюнтер обернулся, увидел Матильду и остолбенел:

– Матильда, это ты?

– Это я, Гюнтер. Чему ты удивляешься? Что я выжила или что я такая молодая, хотя мне уже сорок лет?

– Как это возможно, Матильда? Ты же погибла в автокатастрофе! Я помню.

– Да, Гюнтер, погибла моя сестра, а я ее клон. Генрих вырастил меня из ее живых клеток. Ты ведь тогда не поверил ему, уехал, а он продолжил дело родителей, и вот я стою перед тобой – живая, молодая, красивая.

Вошел в кабинет Генрих.

– Что, девочки, брата моего шокируете? Пойдемте, Рудольф и Гюнтер, со мной, я вам все покажу и объясню. А моим дамам нужно приступить к работе. У них сегодня насыщенный день. Рудольф тоже очень редко заглядывает к нам, ему не мешает пройти по нашему инкубатору.

Генрих, Рудольф и Гюнтер вышли.

– Матильда, как ты можешь помнить Гюнтера, если тебе было всего десять лет, когда он уехал из города?

– Эми, у меня память осталась от моей сестры, из чьей клетки меня вырастили, я ведь ее клон, и память у меня осталась и ее, и новая – моя, что я накопила за вновь прожитые годы. Поэтому Гюнтера я хорошо помню.

– Скажи, Матильда, что он за человек? Его нужно опасаться?

– Думаю, что опасаться его не стоит, он из семейства Краузе, так что вредить брату он не станет. А вот выгоду свою от наших экспериментов иметь захочет. Идем, Эми, нам тоже пора проверить наших маленьких, как они там в своих боксах.

Генрих показал Гюнтеру часть своих лабораторий, где он проводит эксперименты с ДНК человека, потом повел его в свой закрытый цех. То, что увидел Гюнтер в инкубаторе, его повергло не просто в шок – его охватил странный озноб. Гюнтера вдруг начало трясти, и он попросил брата:

– Генрих, прошу тебя, давай выйдем на улицу, мне что-то стало плохо.

– Ты же врач, Гюнтер! Что в этом такого, что тебе вдруг сделалось не по себе? – спросил Генрих. – Смотри, мои женщины, Эми, Матильда, относятся ко всему спокойно.

– Они привыкли, Генрих, давай уйдем. Рудольф, твой сын, ушел после первой же просмотренной лаборатории, а я к такому не привычен.

– Хорошо, пошли в наш парк, покажу тебе вольер с леопардом.

Братья вышли во двор клиники. Генрих повел Гюнтера вглубь парка. Леопард в вольере дремал, но, увидев людей, заметался, стал рычать и бросаться на сетку.

– А этот зверь тебе зачем здесь?

– Это задумка Эми, она проводит эксперименты с генетикой человека и леопарда, проверяет, что за человек может получиться, если подсадить в ДНК человека один из генов зверя, например ген, отвечающий за реакцию – быстроту.

– И как у нее успехи?

– Скоро увидим, через три месяца у нас появятся три таких ребенка – мальчики с добавленным геном леопарда.

– Но зачем вам такие дети?

– А ты забыл про наш гарнизон солдат? Когда-то ты ими восхищался!

– Да я за эти тридцать лет, что не живу здесь, все забыл. Там другой мир.

– Какой другой? Потому что рождается у вас в Европе все больше дебилов, инвалидов, даунов и аутистов? Потому что уже некого призывать в армию? Что наркомания поразила огромную часть общества, особенно молодежь? А знаешь ли ты, Гюнтер, что ваши правительства именно у нас покупают солдат в свои элитные подразделения. Поехали, я покажу тебе наш гарнизон и наших солдат – мужчин, которых вырастили мы здесь в своих инкубаторах.

– Хотел бы увидеть, а нас туда пустят?

– Со мной пустят, я для всех них отец. Это я и моя команда дали им жизнь и почти что бессмертие. Мои девочки тебе не сказали, что мы научились убирать из спирали ДНК ген старения. И наши солдаты, по сути, бессмертны, пока их не убьют, или они сами не попадут в катастрофу, или не подцепят смертельный вирус где-нибудь в Африке. Они храбрецы и не боятся смерти. Это настоящие воины. Где ты сейчас среди обывателей в вашей Европе найдешь такую военную элиту? Все ваши хваленые армии держатся исключительно на наших солдатах. Что ты так на меня смотришь? Ты разве об этом не знал?

– Прости, брат, я в своей клинике так замотался, что пропустил в жизни что-то самое интересное.

– Ну вот пришли, сейчас пройдем КПП и зайдем в казармы, увидишь, как живут мои солдаты-клоны.

На пропускном пункте дежурные сразу узнали Генриха, отдали ему честь и, не спрашивая, пропустили.

Во дворе казармы была идеальная чистота, все вымыто, казалось, что дорожки посыпаны не песком, а золотыми стружками – так они блестели на солнце. Деревья и кустарники пострижены, политы и зелены, словно нарисованы яркой краской. За деревьями начиналось поле, на нем созревали помидоры.

– У вас здесь и подсобное хозяйство?

– Да, Гюнтер, наш гарнизон почти всеми продуктами обеспечивает сам себя, и, заметь, чистыми продуктами, без всякого ГМО и других вредных примесей. А излишки отправляют на продажу в наш город или другие города Аргентины. Мясо у нас тоже свое: говядина, куры, гуси, индюшки. Есть и свинина, но мы едим ее редко. Мы не покупаем продукты за пределами нашего города. Нам это не нужно. Хватает своего.

Зашли в первую казарму. На входе были только двое дежурных.

– А где все, Отто? – спросил Генрих солдата.

– Одна рота на занятиях на плацу, вторая на хозяйственных работах.

Подошел второй солдат, он был точной копией первого.

– Добрый день, отец Генрих, вы пришли нас проведать? – спросил подошедший, высокий блондин с русыми волосами и голубыми глазами.

– Они близнецы? – шепотом спросил Гюнтер.

– Да, они братья-близнецы, и у нас таких много.

– Я пришел, Иво, показать брату, какие вы у меня красивые парни, умные, храбрые, работающие, любите во всем порядок, дружные, потому что все братья. А братья, Иво, как должны относиться друг к другу?

– Отец, братья должны любить друг друга, уважать, помогать во всем и защищать от врагов.

– Ты прав, мой мальчик, именно так должны относиться друг к другу воины-братья, – сказал Генрих и пожал руку солдату.

– Они, эти солдаты, все тебя помнят?

– А как же, Гюнтер, у меня новорожденные дети-клоны, если их никто не забирает из городских жителей, живут в специальных общежитиях до четырех лет, потом идут в детский сад, затем в школу, а дальше служба в армии, самые одаренные после службы – в офицерские училища и наши военные академии. И все это у нас в городе. Мы не отправляем наших юных жителей до двадцати лет за ворота города. И только после совершеннолетия показываем им жизнь в другом мире, уже подготовив их к восприятию вашего мира, как чужого нам, враждебного. Учим подчиняться приказам командиров и не жалеть «чужаков», а значит, наших врагов.

– У вас в гарнизоне нет ни одной девушки? Только парни?

– Ну что ты, Гюнтер? Это было бы несправедливо по отношению к нашим юношам. Они ведь мужчины, и им просто необходима женская ласка, любовь и уход. Иначе наши солдаты стали бы похожи на дикарей из джунглей. У нас есть целые подразделения военнослужащих-женщин. Врачи, медсестры, радистки и даже есть своя женская рота разведчиков, там, где не пройдет мужчина, пройдет женщина. Это аксиома – запомни ее. Идем, познакомлю. Только сознание не теряй от их красоты, ладно. Они тоже, как и наши солдаты-мужчины, многие сестры – близнецы.

Генрих и Гюнтер зашли в казарму, где жили молодые девушки. В помещении пахло духами, свежестью и едва уловимым женским запахом.

На входе стояла молодая белокурая девушка в солдатской юбке и гимнастерке с коротким рукавом.

– Добрый день, Ева, кто сегодня дежурит в медсанбате из врачей?

– Добрый день, Генрих, сегодня очередь Эммы, только больных у нас пока нет. На солнце еще никто не перегрелся, и ног никто не поломал.

– Это хорошо, девочка, что нет больных, так мы пойдем в медсанчасть, а тебе всего доброго.

– Спасибо, отец Генрих, рада была вас повидать. Привет от вас девочкам передать?

– Обязательно, Ева, скажи всем им, что я их очень люблю.

– Обязательно передам, Генрих. Они будут рады, что ты нас не забываешь, – проговорила, улыбаясь, блондинка с голубыми глазами, стройными загорелыми ножками в черных туфельках на маленьком каблучке.

– Генрих, ты хочешь показать мне, как у вас работает медсанчасть?

– Нет, Гюнтер, я хочу познакомить тебя с Эммой, ты должен помнить ее сестру, она часто в детстве играла с нами.

– А что стало с ее сестрой?

– Она умерла, Гюнтер, отец всегда собирал клетки горожан, когда те приходили к нему на прием, и консервировал. А когда те умирали, он делал их клоны. Так наш город никогда не пустел, а наоборот, пополнялся молодыми и более талантливыми сестрами и братьями умерших. Я поступаю так же. Сейчас увидишь.

Братья вошли в большой светлый вестибюль военной санитарной части. Навстречу им вышла молодая, высокая, красивая русоволосая женщина в белом халате.

– О, Генрих, какая радость видеть тебя у нас? Это твой брат Гюнтер? Помню его, я тогда была маленькой девочкой, когда он прибежал к нам в детский сад и раздавал всем конфеты. Мы всегда его так ждали. А я даже была в него влюблена.

– Сколько же тебе лет, Эмма? – спросил Гюнтер.

– Скоро исполнится сорок пять, а что, не похожа на такую почтенную даму? – и Эмма, улыбаясь, подала руку Генриху, потом Гюнтеру.

– Я бы тебе больше двадцати пяти ни за что не дал! – воскликнул Гюнтер.

– Это все, Гюнтер, благодаря твоим родителям я не старею, да еще новым процедурам Генриха. Его невестка Эми привезла удивительные пилюли, что изготавливают японцы, мы провели химический анализ этих таблеток и решили для наших нужд изготавливать их у себя. Могу и с тобой поделиться, Гюнтер, чтобы ты не старел.

– Буду очень тебе благодарен, Эмма, если ты не только поделишься со мной этими пилюлями, но научишь, как их изготавливать.

– А ты приходи к нам в санчасть почаще, я тебя всему научу, – засмеялась врач. – Ты женат, Гюнтер?

– Был женат, да жена умерла два года назад. Так что на сегодня я вдовец. Сын уже взрослый. Одному, Эмма, скучновато, и трудно с хозяйством управляться. А как у тебя дела?

– Понимаешь, Гюнтер, я тоже вдова, год назад моего мужа, капитана, убили в Африке, дочка выросла, учится в консерватории. А я вот все больше на работе с девочками пропадаю. Домой не хочется идти, пусто там.

Генрих наблюдал за братом и усмехался. Он видел, что тот всему очень удивляется, восхищается и расстраивается. Скорее всего, уже жалеет, что уехал в Берлин, а не остался в Аргентине, в родном городе, продолжать дело родителей.

– Эмма, можно мне сегодня вечером прийти к тебе в гости? – спросил Гюнтер.

– Я думаю, что мы с вами встретимся сегодня вечером у мэра, он приглашает гостей по случаю вашего приезда, Гюнтер. А там посмотрим, пойдете вы меня провожать или нет? – кокетливо проговорила Эмма.

– Ну что, Гюнтер, на сегодня экскурсий хватит, или еще куда-нибудь хочешь заглянуть?

– Думаю, на сегодня с меня впечатлений от увиденного хватит, пойду пройду по городу, детство и юность вспомню. Выходит, пока я в своем Берлине лечил плебеев, ты продолжал выводить новую расу людей, не стареющих, не болеющих, красивых, умных, талантливых, не таких, какие окружают меня каждый день в Европе.

– Да, Гюнтер, выходит так. Ты свои годы разменял не на то, о чем просили нас отец с матерью.

– Мне очень жаль, Генрих, что я тебя не послушал и не остался дома. Теперь я вижу, насколько я был не прав. Но время ушло, назад уже ничего не вернуть. У меня в Берлине клиника, дом, сын.

– А что, Гюнтер, не прихватить ли тебе с собой в Берлин Эмму, такая женщина пропадает!

– Да я бы с радостью, Генрих, взял ее с собой, да только согласится ли она поехать со мной?

– А ты сделай так, чтобы она согласилась. Эми попроси, она поможет тебе уговорить Эмму поехать с тобой в Берлин. Она у нас замечательный психолог. Все конфликты в городе за полчаса устраняет.

– Вот мы и пришли, я пойду в свою клинику, а ты иди город осмотри, он вырос и преобразился. Не узнаешь. Озеро только таким же и осталось, каким было. К вечеру не опаздывай, мэр в твою честь вечеринку устраивает. Друзей приглашает. Не опоздай.

– Постараюсь не опоздать.

Эми за завтраком и в кабинете успела сфотографировать Гюнтера несколько раз и послать фото Полковнику.

«Адам, посмотри внимательно на этого человека, пересекались ли твои пути когда-нибудь с ним?» – написала она ему под фотографией. И получила ответ через полчаса: «Никогда его не видел». Эми облегченно вздохнула, значит, опасности нет, даже если встретятся на вилле. Это ее успокоило и приободрило. Она знала, что вечером надо идти в гости к мэру и ушла с работы пораньше. Занятия с детьми японским языком она начала с самого их рождения. Все свои колыбельные песни она им пела на японском языке. Рудольф укачивал малышей, пел им свои песни на немецком языке, а в очень хорошем настроении – на испанском. Несмотря на то что мальчики были на полгода младше девочек, они уже перегоняли их в весе и росте.

Как только Эми вошла в дом, Гретта позвала ее к себе.

– Эми, это, конечно, очень хорошо, что у нас уже четверо малышей, два твои клона, а значит две твои сестры, и два клона Рудольфа, то есть еще два маленьких сына, мои и Генриха, братья Рудольфа, а ты собственного ребенка не хотела бы иметь от Рудольфа?

– Гретта, очень хотела бы иметь нашего с Рудиком ребенка, но я вряд ли смогу выносить плод.

– Когда-то, Эми, и я так думала, но отец Генриха прописал мне пилюли, велел принимать перед сном две недели, и, как видишь, у меня трое детей. Я дам тебе это лекарство, постарайся принимать его перед сном, и может быть, вам с Рудольфом повезет, и у меня будет внук, а у вас ваш собственный малыш.

– Попробую, Гретта, а вдруг действительно эти чудо-пилюли и мне помогут.

Гретта принесла Эми таблетки. Та их взяла и сунула в карман халата. «А что, можно и попробовать, – подумала Эми, – может, и рожу, как все нормальные женщины».

Вечером вся семья Краузе, в полном сборе и принаряженная, была готова идти в гости к Петерсу. Больше всех нервничал Гюнтер. Ему казалось, что друзья юности начнут его укорять и жалеть. «Вот мол, сбежал, а мы тут без тебя, видишь, каких высот достигли, город преобразили, не позволили уйти в небытие нашим любимым предкам и женщинам, а теперь новую расу людей выводим. А ты в Берлине выше своей частной клиники так и не прыгнул», – думал Гюнтер и все больше хмурился.

– Ты чего такой напряженный? – спросил Генрих брата. – Не переживай, тебя все помнят и будут рады встрече с тобой.

Семья Краузе к мэру города пришла первой. Петерс пригласил всех в дом, в саду прислуга накрывала длинные столы и расставляла скамейки. Как только Гюнтер вошел в комнату, навстречу ему поднялась с ребенком на руках Мэри. Девочка обнимала женщину за шею и что-то шептала ей на ухо.

– Мэри, чей это ребенок? – спросил Гюнтер.

– Не удивляйся, Гюнтер, что точно такие две девочки есть у Эми, а это наша Чио, наша доченька, клон Эми. Наши с Петерсом дети выросли и уехали, а мы вот на старости лет решили себя побаловать такой дочкой.

В комнату вошел Петерс.

– Ну, здравствуй, бродяга Гюнтер, долго же ты не появлялся в наших краях. Что там нового в твоём Берлине? По-прежнему всем заправляет мадам Меркель?

– А меня, Петерс, больше интересует сегодня не Берлин, а все вы и ваш, то есть наш, город, – пожимая мэру руку, проговорил Гюнтер. – Какая славная у тебя девочка, одно загляденье, только смахивает очень сильно на японку, а не на немку. Тебя это не тревожит?

– Нисколько, Гюнтер. Наша дочка просто ангелочек, еще года нет, а уже говорит, бегают, поет, а когда я долго заснуть не могу, она по моему животу приползет к моему лицу, погладит

меня по глазам и скажет: «Спи, папа, спи, спокойной тебе ночи». – Не поверишь, моментально засыпаю. Мэри потом ее уносит в кроватку. Я очень благодарен Эми за такой нам подарок.

– Вижу, вы тут все даром время не теряли. Видел городские казармы, солдат много?

– Присаживайся на диван, Гюнтер, пока все гости не собрались, я тебе сейчас наш парад покажу. Мэри, принеси наш новый компьютер.

Мэри принесла компьютер, плоский, без крышки, похожий на телевизор, с раздвигающимся экраном.

– Тебе, Гюнтер, картинку как показать? Покрупнее или в обычном режиме?

– Давай покрупнее, хочу ваших солдат рассмотреть.

Петерс включил видео военного парада в городе. По площади маршировали солдаты, один в один высокие, загорелые, с безупречной выправкой, русоволосые, сероглазые и почти все на одно лицо.

– Останови здесь, – попросил Гюнтер, – хочу рассмотреть более детально каждого.

– Они все абсолютно одинаковые, все похожи друг на друга! – воскликнул Гюнтер. – Как их много! Целая Армия! Куда вам столько солдат?

– Не только нам, Гюнтер, а твою Европу, думаешь, кто защищает? Ваши наркоманы или турки с арабами? Все ваши элитные войска – это наши солдаты. Ты как думаешь, на какие деньги мы тут все живем? Вся прибыль городу от нашего гарнизона. Наши контрактники в ваших войсках в самых горячих точках планеты служат. Мы своих солдат со школы готовим, они у нас, как дипломаты, минимум должны три языка знать, а офицеры по пять языков изучают. Детские сады, школы, все учебные заведения для наших детей города бесплатны – это заслуга нашего гарнизона и заслуга твоего брата и его команды. Если бы не Генрих Краузе, нам бы никогда не создать элитной армии. А ведь это твои родители, Гюнтер, первыми решили попробовать сделать клонов наших доблестных моряков – воинов, что оставались после Второй мировой войны здесь с нами. А теперь твой брат продолжает трудиться на благо всего города, и не только. А тебе в Берлине лучше живется, чем нам здесь, в своем городе, который создали для нас наши родители, и мы продолжаем обустривать его для наших детей?

– Да как тебе сказать, Петерс, даже не знаю, что ответить. Вы здесь как-то все вместе, вечера, друзья, работа, а я после смерти жены все больше один вечера провожу.

– Так что тебя там держит? Возвращайся, в клинике работа для тебя тоже найдется, ты же врач!

– Я не могу так сразу ответить, мне надо подумать. У меня в Берлине частная клиника, сын еще совсем пацан, в университете учится.

– Ладно, пошли к гостям, видишь, сколько народу пришло на тебя посмотреть. Забыл уже, наверно, всех.

– Да, нет, Петерс, всех своих друзей помню и часто вспоминаю.

Вошли в сад, гости встали из-за столов, поприветствовали хозяина дома и вновь пришедших. Начались расспросы, разговоры о жизни, о политике, о любви, об армии, о том, что еще планирует мэр построить в городе, и о прочих мелочах. Старые друзья узнавали Гюнтера, подходили, здоровались, спрашивали о жизни в Германии. Гюнтер же искал глазами Эмму, но ее не было. И вдруг она появилась, как русалка из-под воды, в серебристом платье, отливающим рыбьей чешуей при лунном свете и свете электрических фонарей, а на голове венки из цветов. Она подошла к Гюнтеру.

– Можно рядом присесть?

Гюнтер подвинулся.

– Да, дорогая Эмма, садись, а то я уже надежду потерял тебя здесь увидеть.

– Что ты, Гюнтер, это я для тебя наряжалась, угости конфеткой, как в прежние времена, я их так любила – твои конфеты.

Гюнтер обвел глазами стол, увидел вазы с конфетами, подошел, взял две горсти и высыпал на стол перед Эммой.

– Вот, Эмма, конфеты тебе, а если согласишься со мной поехать в Берлин в гости хоть на недельку, весь дом конфетами завалю, – смущенно улыбаясь, и говорил Гюнтер.

– Давно я не гостила в Германии, возьму отпуск и поеду к тебе, если с приглашением не шутишь, Гюнтер. Ведь я женщина серьезная, могу и претензии тебе предъявить.

– Что ты, Эмма, я даже не знаю, как это шутить, давно разучился. Я приглашаю тебя к себе в Берлин в гости, принимай предложение.

– А принимаю, – засмеялась Эмма, – но тебе придется для меня у командира части отпуск выпрашивать. Он вон сидит на краю другого стола. Только не сегодня, завтра приходи в часть, и на трезвую голову поговорим о моем отпуске. Согласен?

– Согласен, милая, ты такая необычная, такая красивая, можно я хотя бы руку твою поцелую.

– Гюнтер, давай целоваться будем позже и без свидетелей, смотри, как на нас все смотрят.

Эмма встала, подняла бокал с вином:

– Дорогие друзья, горожане, разрешите мне произнести тост в честь нашего гостя Гюнтера Краузе, за его здоровье, счастье и благополучие, а еще за то, чтобы он не забывал своих корней.

Все подняли бокалы, выпили и загалдели каждый на свой манер с рядом сидящим соседом.

Эми шепнула на ухо Рудольфу:

– Давай сбежим, а то няньки наши уже детей спать должны укладывать, а малыши без наших песен не уснут.

– Хорошо, любимая, выбираемся осторожно, будто по нужде выходим.

Эми и Рудольф выбрались из-за стола и пошли домой.

– А как же машина? – спросила Эми.

– Завтра заберу, отец за руль не сядет, видела, сколько он пива выпил. Родители пешком дойдут, как мы с тобой.

Дети уже лежали в кроватках, нянька им пела песню на немецком языке. Эми отпустила прислугу и сама стала укачивать малышей. Ей нравилось возиться с детьми, она любила их, и они тянулись к ней, отвечая взаимностью.

Гюнтер после вечеринки у Мэра пошел провожать Эмму да там и остался. Эта женщина ему очень нравилась, и он хотел увезти ее с собой. Пора было думать о новой женитьбе, дом без женщины – сирота. Да и одиночество ему уже изрядно надоело.

Эмма приготовила чай и позвала к столу Гюнтера:

– Чаю хочешь? – спросила она. – Присаживайся, а то остынет, тебе с медом или с сахаром?

– Эмма, у вас в городе и мед свой? Пасека есть?

– И пасека есть, и пчеловоды, и лес специальный, липовый, где пасеки круглый год стоят. И не только мед у нас есть...

Гюнтер не дал ей договорить, он подошел к ней, развернул к себе и крепко поцеловал в губы.

– Эмма, милая, давай оставим чай на утро, неужели ты не видишь, что я не могу дожидаться той минуты, когда мы окажемся в постели. Тебя раздеть или ты сама разденешься? – спросил он.

Эмма растерялась, даже как-то оробела и проговорила шепотом:

– Сама разденусь.

Гюнтер поднял ее на руки и понес в спальню. Положил Эмму на кровать, в секунду снял с себя одежду и оказался рядом с ней. Эмма не ожидала такого напора, ей и самой хотелось любви и ласки, но не так быстро: она бы предпочла ухаживание, цветы, а тут после первых встреч – и сразу постель.

Гюнтер почувствовал ее скованность:

– Прости, Эмма, но мы с тобой оба врачи, нам не по двадцать лет, и прелюдии давай оставим на потом. Я много времени не имел женщины и боюсь, что если сейчас не начнем секс, то все мои старания будут напрасны. Не сердись.

Не успела Эмма сказать двух слов в ответ, как Гюнтер уже был на ней и с упоением мямл ее груди, губами закрывал ей рот и медленно, с наслаждением приподнимался над ней и опускался снова пенисом в ее лоно, теплое и узкое, сжимающее его член до боли. Ему это нравилось, он боялся кончить быстро, не дав понять женщине вкус секса с ним, и Гюнтер старался не возбуждаться чересчур, медлил и все же кончил буквально через десять минут, издав странный булькающий звук. Эмму такой секс удивил, она хотела подняться, но Гюнтер не пустил ее, он снова накрыл ее собой и продолжил удовлетворять свою мужскую потребность на этот раз размеренно, стараясь доставить удовольствие не только себе, но и партнерше.

Утром ни Эмма, ни Гюнтер не могли проснуться, они так обессилили от ночных упражнений, что не слышали ни будильника, ни телефона. И все же ей пришлось звонить в часть и отпрашиваться на сутки. Главврач медсанчасти был очень недоволен Эммой, он понимал, что раз она не вышла на работу, значит, ночь провела с любовником. А ведь он сам имел на нее виды. А теперь выходит, этот приезжий Гюнтер его опередил. Но по телефону ответил:

– Хорошо, Эмма, даю тебе увольнительную на сутки. Завтра с утра быть в части.

Гюнтер на целый день и целую ночь снова остался у Эммы. Брату он позвонил и сонным голосом сказал:

– Не жди, я у Эммы.

Генрих уже и сам догадался, где можно найти Гюнтера. И подумал: «Вот и замечательно, хватит ему вдовцом ходить. Может, Эмму увезет, а может, и сам останется. Что ему одному в Берлине делать?»

Эмма на предложение Гюнтера поехать с ним в Берлин на недельку в гости, согласилась. «Посмотрю, что там у него и как, да, может, с собой и увезу назад, – подумала Эмма. – Одной тоже не сладко, молодая ведь еще, и мужчина в доме всегда нужен, да и Гюнтер мне подходит, в постели он еще ого-го!»

Гюнтер и Эмма лететь в Берлин собрались в субботу. «Это здорово, – подумала Эми, – что Гюнтер улетает в субботу, а Полковник именно в субботу прилетит ко мне, Рудольф ответит дядю и привезет Адама на виллу. Я все упакую в его дипломат, и мы улетим с папочкой на остров в воскресенье. Как все хорошо складывается».

Эми вечером в пятницу подошла к Рудольфу:

– Рудик, ты завтра везешь Гюнтера и Эмму в аэропорт в Буэнос-Айрес. Завтра и мой отец прилетает, не мог бы ты немного подождать в аэропорту, встретить его и привезти домой.

– Нам повезло, любимая, что один улетает, а другой прилетает в тот же день, – засмеялся Рудольф. – Конечно, встречу, не беспокойся. Наверное, твой папочка подарков везет столько, что одному не унести.

– Да уж, бесполезные подарки покупать он умеет, – поддакнула Эми, – но иногда и дельные советы дает, а если попросишь, то купит то, что нужно. А нам с тобой сейчас что-нибудь нужно?

– Да вроде у нас с тобой все есть, у детей тоже, – сказал Рудольф.

– Тогда я звоню отцу и говорю, что ты его встретишь.

Эми позвонила Полковнику:

– Добрый вечер, папочка, тебя в субботу в аэропорту встретит Рудольф, ты во сколько планируешь прилететь? Рудик отвозит дядю в аэропорт к двенадцати часам, было бы здорово, если бы к этому времени и ты прилетел.

– Постараюсь, любимая доченька, для тебя все что угодно, я уже у китайца был и подарков тебе и твоим детям накупил целую гору, потому машину посторонними людьми не загружай, а то места для сумок не хватит.

– Самое главное, папочка, дипломат не забудь, в него положи все ценное – все же мой тебе подарок. Хочу тебя видеть с ним, как преуспевающего бизнесмена. Жду тебя, папуля, обнимаю и целую.

В субботу Рудольф отвозил в аэропорт Гюнтера и Эмму, а привез Адама Хука. В семье Краузе его знали как Гарри Эванса, английского бизнесмена и отца Эми. Эми вышла встречать «папочку» на крыльцо.

Они обнялись и поцеловались по-родственному. Эми сразу же заметила на руке Полковника браслет и поняла, что он от китайца, с секретом, который ей хорошо знаком.

– Папуля! Ты купил мне к моим украшениям новый браслет! – воскликнула Эми, растегнула браслет на руке Адама и надела себе на руку. – Спасибо, папочка! Он мне так кстати. – И целуя его в щеку, прошептала на ухо: – Этот браслет нужен мне, а тебе он ни к чему, не рискуй и не хитри.

Все вошли в зал, и Адам начал высыпать на диван игрушки и детские вещи, купленные им в Танжере.

– Ну что я говорила! – засмеялась Эми, – папочка накупил всякой всячины, только все ни к чему! Так и не научился делать нужные покупки. Но все равно, папуля, я тебя люблю и обожаю.

И Эми поцеловала Полковника в губы.

Вышла Гретта:

– Всех приглашаем к столу, скоро ужин, а мы еще не пообедали, ждали вас, Гарри.

– Отцу и Рудольфу нужно сначала умыться с дороги, а потом уже за стол садиться, – сказала Эми. – Я провожу папу в его комнату. Рудик, тоже переоденься и няням скажи, чтобы детей покормили и к концу нашего ужина принесли наших малышей в зал.

– Слушаюсь, моя королева, – улыбнулся Рудольф. Он с каждым днем влюблялся в свою жену все сильнее и сильнее, находя в ней очарование женщины, матери и любовницы. «Как же мне повезло, – думал он постоянно, – что она выбрала именно меня. О лучшей жене даже мечтать невозможно».

В комнате Полковник передал Эми дипломат:

– Ну ты, доченька, и хитрюга, и браслет сразу забрала. Как догадалась?

– Папочка, во-первых, браслет женский, а во-вторых, такие браслеты делает только мой китаец, а в-третьих, он тебе ни к чему, опасно тебе с ним ходить. Переодевайся, умывайся, и к столу. А вечером пойдем на концерт в гарнизон. Вот там самое интересное и увидишь.

Эми взяла дипломат у Адама и пошла в свою комнату.

Рудольф уже переоделся и ждал Эми.

– Рудольф, после ужина мы сегодня всей семьей идем на концерт в гарнизон, городская консерватория и школа танцев устраивает там свои показательные выступления. Я надену свое любимое платье, малиновое, в котором ты меня встретил в Берлине, ты тоже понаряднее оденься. Будем сегодня с тобой на бис танцевать танго. Не забыл еще, как мы танцевали перед моим папочкой и твоими друзьями в том ресторане?

Рудольф подошел к Эми, обнял ее, чуть приподнял и поцеловал в губы:

– Любимая моя жена, разве я могу забыть тот вечер, который подарил мне такую королеву? Только не слишком ли ты будешь выделяться в своем наряде среди наших дам? Там будет так много военных, что я могу тебя и приревновать к кому-нибудь.

– Рудик, смотри, какой браслет мне привез папочка. И мое ожерелье, эти украшения смотрятся только с этим платьем.

– А кого ты хочешь свести с ума своим нарядом сегодня? Весь гарнизон солдат? Мне не придется из-за тебя ни с кем стреляться? – улыбался Рудольф и целовал Эми.

Потом поставил ее на пол:

– Ладно, одевайся, как хочешь, но первый танец с тобой – мой, по праву мужа.

Эми смеялась:

– Я думаю, если стреляться, то мне из-за тебя придется, ты у меня такой красавчик. Секретарша Петерса на меня волчицей смотрит, потому что ты достался мне, а не ей. Ладно, помоги застегнуть ожерелье.

Эми и Рудольф оделись и, нарядные, вошли в гостиную. Все уже сидели за столом. Полковник увидел Эми в платье, которое он ей дарил и закашлялся: воспоминания, связанные с этим платьем, были у него не из приятных.

– Куда это вы так вырядились? – спросила Гретта.

– Мама, разве ты забыла, что сегодня концерт в гарнизоне и мы все туда приглашены?

– Надо же, а я и забыл, – проговорил Генрих, наливая в кружки пиво. – Придется тоже наряжаться.

После ужина няни принесли детей. Девочки уже лопотали и пытались петь песенки сразу на трех языках, а мальчики сидели на диване и спокойно всех разглядывали.

– Как быстро они выросли! – сказал Адам. – Только что были малютками, а вот уже и бегают, и песенки поют. Эми, дай мне поддержать их на руках.

– Садись, папа, на диван, и девочки сами залезут к тебе на руки.

Адам сел на диван, девочки тут же залезли к нему на колени и спросили:

– Ты кто? Мы тебя в доме раньше не видели.

– Я ваш дедушка, – сказал Полковник и засмеялся.

Девочки были маленькие, шустренькие, как колобочки, и такие ласковые, теплые, и Адам почувствовал, что любит этих крошек, ведь они обе из клеток Эми, значит, это и есть она, только маленькая, в таком вот возрасте. Эми смотрела на Адама и улыбалась, она поняла, о чем он подумал.

На концерт в гарнизон поехали всей семьей. В клуб воинской части не опоздали. В холле толпилось много народу, но больше всего было военных – солдат и офицеров. Нашли свои места в первом ряду, сели. Рудольф держал Эми за руку. Справа от нее сидел Полковник.

– Откуда здесь столько военных? – шепотом спросил Адам Эми.

– Тихо, потом расскажу, – проговорила она.

Обвела взглядом зал и увидела, как один капитан, с перевязанным глазом, пристально на нее смотрит. Она тоже посмотрела на него, их глаза встретились, и Эми этот взгляд насторожил, было в нем что-то нездоровое. Рядом с Рудольфом сидел Генрих. Эми перегнулась через мужа и спросила Генриха:

– Какой странный офицер, Генрих, кто это? Посмотри, сидит и, не отрываясь, смотрит на меня, вон тот, с перевязанным глазом, смотри направо.

– А, этот? Дитрих. Он вчера из госпиталя приехал, был в горячей точке, ранили его в голову, месяц лечился, а теперь вот к себе в гарнизон вернулся.

– Почему он меня так разглядывает, до неприличия откровенно.

– А что тут удивительного, ты самая яркая в этом зале, на кого еще смотреть, если не на тебя? – успокаивал ее Генрих.

Эми повернулась к Полковнику и зашептала ему в ухо:

– Адам, смотри вон на того офицера с черной повязкой на глазу, он мне не нравится, слишком меня разглядывает, будь на подстраховке, он мне кого-то сильно напоминает. Не могу вспомнить кого, но где-то мы с ним встречались, а мне сейчас только этого не хватало.

– Я буду следить за тобой весь вечер, а значит, и за всеми, кто будет к тебе приближаться, – прошептал ей в ответ Адам.

Начался концерт. Сначала выступали студенты консерватории, пели песни на немецком и испанском языках, затем показывала свои номера школа бальных танцев. Когда начали играть танго и пары стали из зала выходить на сцену, Эми тоже потащила Рудольфа, и они вдвоем стали выделять сумасшедшие па. Танцующие расступились, образовали круг и хлопали в ладоши в такт музыке. На сцену поднялся и Полковник. Столпились вокруг и военные. Кто-то сказал:

– От этой пары невозможно отвести глаз, до чего красиво танцуют.

– Особенно женщина, ее спутать ни с кем нельзя, правда, Полковник?

Адам обернулся: рядом с ним стоял тот самый капитан с перевязанным глазом.

– Мы разве с вами знакомы? – спросил Адам. – Вы, очевидно, меня с кем-то путаете? Я отец этой красивой женщины.

– Вы ей такой же отец, как я солдат этого гарнизона, – сказал незнакомец.

«Беда, – подумал Полковник, – он нас откуда-то знает, надо предупредить Эмми».

Но капитан уже стоял почти рядом с Эми и Рудольфом. Музыка смолкла. Офицер подошел к ним вплотную, он обратился к Рудольфу:

– Разреши пригласить твою даму на танец, я только что из госпиталя, хочу потанцевать с красивой женщиной. Она у тебя очень красива, да?

Рудольф внимательно посмотрел на Эми, та кивнула.

– Я разрешаю, – сказал он, – но надо спросить и мою жену, захочет ли она пойти танцевать с вами?

– Рудольф, я пойду танцевать с капитаном.

Вся публика настороженно смотрела на наглого офицера, который позволил себе приставать к жене младшего Краузе.

Заиграли вальс. Капитан прижал к себе Эми и откинул руку в сторону, рукава рубашки натянулись, и Эми увидела на левой руке шрам.

– Ники, ты как здесь очутился? – чуть слышно спросила она, кружась в вальсе и пытаясь отодвинуться от него хоть на чуточку.

– Узнала, значит, по шраму, да? Вот я тебя и нашел, моя японочка, моя патологическая любовь. Найти тебя было нетрудно, все газеты писали о твоей свадьбе с этим немцем. А вот попасть сюда было куда сложнее, но я ведь твой ученик, я стал немцем, и вот я здесь, танцую с тобой вальс, как в тот день нашего первого с тобой знакомства, помнишь, как я тебя кружил и целовал? А сад роз, помнишь? А я все помню. Ты мою жизнь под откос пустила, а хочешь, я сейчас твою жизнь так же уничтожу, как ты уничтожила мою?

– Ники, у меня четверо детей, остановись, не надо ничего предпринимать, ты же знал, кто я.

– Нет, милая, в тот вечер я ничего не знал, когда влюбился в тебя до сумасшествия. Долго ты меня дурачила, даже бабушкой прикинулась, а я и поверил, на могиле твоей был, слезы лил. Но теперь все: или моя, или ничья!

Со стороны казалось, что офицер о чем-то разговаривает со своей партнершей, все наблюдали за их танцем, он был очень стремительным, капитан кружил женщину в малиновом платье, оно словно флаг, трепетало вокруг нее и, казалось, вот-вот пара обессилит и упадет на пол. Вдруг офицер приподнял Эми и стал осыпать ее лицо поцелуями, потом нашел губы и впился в них.

«Что же ты наделал, Ники», – подумала Эми, и в этот момент, когда он впился своими губами в ее губы, она освободила руку и нажала на его сонную артерию. Он медленно стал оседать на пол, цепляясь за ее платье. Полковник и Рудольф бросились к ним. Адам успел схватить Эми в охапку и отнести в сторону от капитана. Тот рухнул на пол, уткнувшись лицом вниз.

К офицеру подошел Генрих:

– Позовите врачей, этот человек болен, его нужно отнести в лазарет, – сказал доктор Краузе.

Тут же подбежали солдаты и унесли офицера в медсанчасть.

Подошел Рудольф:

– Эми, ты цела? Вот что делает твоя красота с мужчинами! Они просто сходят с ума, – возмутился муж, – зачем было так наряжаться, платье это твое заколдованное, я тоже тогда от любви обезумел, как увидел тебя в этом платье, – шутил Рудольф, чтобы разрядить обстановку. – Это твое платье на мужчин действует, как красная тряпка на быка, я когда-нибудь его просто сожгу! Поехали домой, – уже гневно говорил Рудольф, – ну нигде с этой женщиной нельзя появиться, обязательно что-нибудь да приключится.

– Подожди, дорогой, надо посмотреть, что с этим офицером, не переборщила ли я с ним?

И подойдя к Адаму, она шепнула:

– Это Николас Кан. Надо что-то делать. Оставлять его здесь нельзя.

Эми нашла Генриха.

– Генрих, идем со мной к этому несчастному, говорят, он ранен в голову, может быть, я попробую с ним поработать и успокоить беднягу. Наверное, он давно вообще женщин не видел. А тут такая красотка, вот у него крышу и снесло.

– Ты права, девочка, хорошо, что умеешь уложить наглицов к своим ногам, но как мы все испугались, когда он тебя чуть ли не на руки взял. Умным был твой дед, что таким приемам научил свою внучку. Такой красоте надо уметь защищаться. А наших крошек тебе придется учить всему, что сама умеешь, – идя к лазарету с Эми, говорил Генрих.

Эми молчала. Она лихорадочно думала: «Что делать, и Ники жалко, и оставлять его здесь нельзя, очень опасно, и как его отсюда вывезти, что предпринять, гипноз будет действовать максимум две недели, вложить в него новую программу – на это надо время, а мне завтра улетать, что же предпринять?»

Рудольф и Адам шли сзади, иногда бросая реплики по поводу нахала и Эми, которая позволила себя целовать незнакомцу.

– Ехали бы вы домой, – оборачиваясь к мужчинам, проговорила Эми. – Рудик, тебе детей уложить надо, а ты, отец, отдохни с дороги, если понадобится, я позвоню. А нам с Генрихом необходимо к этому несчастному в палату зайти. Парень все же в голову ранен. «А может в сердце?» – подумал Адам, но вслух сказал:

– Я буду ждать твоего звонка, разве я могу заснуть, когда дочь находится рядом с сумасшедшим?

– Не волнуйтесь, мы с Эми только навестим этого несчастного и сразу же приедем домой, – успокаивал Генрих.

В палате, куда поместили предполагаемого Дитриха, был врач и медсестра.

– Добрый вечер, Генрих! Эми, вот странно, у офицера глаз здоров, и в голову он не ранен, на руке только странный шрам, а в карточке из госпиталя написано, что выбит глаз в связи с ранением в голову.

Эми подошла к офицеру, приподняла веки, поняла, что минут через пятнадцать он проснется. «Нужно усыпить его надолго», – подумала она и попросила врача:

– Доктор, а не могли бы вы сделать пациенту укол снотворного, пусть поспит до утра. А утром он нам все и расскажет, кто, откуда и зачем приехал в наш город под чужим именем.

– Да, приготовьте двойную порцию снотворного для этого сумасшедшего, – проговорил Генрих, – поставьте к его палате охрану на всякий случай.

Медсестра принесла ампулы со снотворным, сделала капитану укол. Тот через минуту захрапел.

– Сколько будет действовать лекарство? – спросила Эми.

– Часов восемь точно проспит, – ответила медсестра.

– Эми, поехали домой, все и так уже волнуются.

Генрих сел за руль машины, Эми села рядом. Она лихорадочно думала, что предпринять. Убивать Ники ей не хотелось, все же в его навязчивой идее завладеть ею была и ее вина. Вывезти его из госпиталя в самолет к Полковнику, но как? Там еще и охрана. Даже если удастся вытащить Ники из госпиталя, как вывезти его из города?

Без участия Рудольфа это не получится. А что сказать Рудольфу? Он и так зол из-за случившегося на концерте. Опять весь город будет говорить только о ней, на концерте были и журналисты, точно все фотографировали, и она опять попадет на страницы газет, как сенсация вечера. Придется просить Рудольфа помочь ей. Сказать ему, что этот офицер сумасшедший. Но сначала надо все рассказать Адаму. Эми застала Полковника в комнате:

– Адам, я думаю, что Николаса надо сегодня ночью вывезти из госпиталя и посадить в твой самолет, пока он будет спать – ему ввели снотворное, а по прилету на твой остров я займусь им, я полностью сотру его память обо мне.

– Как ты себе это представляешь? Кто нам поможет?

– Я уговорю Рудольфа, он согласится на мои доводы, и у меня еще осталось несколько моих иголок, так что в санчасти я смогу усыпить медсестру и охранника. Из города нас вывезет Рудольф, а к утру мы вернемся на виллу, чтобы ни у кого не было подозрений, что мы похитили несчастного сумасшедшего офицера. Николасу я сделаю очередной укол, и он будет спать пару суток, мы успеем долететь до острова в Красном море, пока он будет спать. Понимаешь, Адам, убить его здесь мы не можем, это слишком опасно для нас обоих. Да и забыв про меня, он станет хорошим разведчиком, смог же он пробраться в этот город. Надо отдать ему должное, смекалка у него работает.

– Я согласен с тобой, Эми. Проси Рудольфа помочь нам вывезти этого сумасшедшего из города.

Рудольфа в спальне еще не было. Эми пошла в детскую, он был там и, качая детей, напевал им песню, засыпая сам. Дети спали. Эми тронула Рудольфа за плечо, он открыл глаза. Она взяла его за руку и повела из детской в спальню. Посадила Рудольфа на кровать, обняла его, он обнял ее.

– Что, моя принцесса, разговор есть? Я уже изучил твои повадки, как только начинаешь обниматься, значит, что-то тебе от меня нужно.

– Ты прав, моя любовь, ты должен помочь нам с отцом вывезти этого сумасшедшего немецкого офицера из города. Мы отправим его в санаторий к папочке на остров. Надеюсь, там его вылечат от его контузии в голову.

– Ты мне предлагаешь вместе с вами выкрасть офицера из госпиталя? Я тебя правильно понял? А потом отправить его к твоему отцу на остров? Так? Но зачем, Эми?

– Рудик, он сумасшедший, ты видел, что он сделал со мной в клубе? А если бы я не знала этого приема? Представляешь, что могло случиться? Отец бы пристрелил его. И что дальше? Понимаешь, мой любимый, если он останется в этом городе, я не смогу спокойно жить, он будет преследовать меня. А ты сможешь так жить, зная, что мне каждую минуту и нашим детям угрожает опасность? Я видела его зрачки, он не в своем уме, он болен. Или мне улететь с отцом

в его санаторий и никогда сюда не возвращаться из-за одного сумасшедшего немца? Ты этого хочешь?

– Конечно же, нет, Эми! Я помогу вам, но что нужно делать?

– Тебе, Рудик, только ждать нас в машине около госпиталя и вывезти этого сумасшедшего офицера к отцу на самолет. Вы в аэропорт поедете втроем, этот офицер будет спать, оставите его там, а сами вернетесь домой. Я останусь на вилле, чтобы нас никто ни в чем не заподозрил. Этот капитан останется жив, еще и вылечится, но сюда он больше не вернется. А утром все подумают, что он сбежал. Вот и все, дорогой.

– Я согласен, Эми, для меня твоя безопасность и наших малышей в моей жизни самое главное. Даже если ты мне прикажешь убить этого наглеца, я его убью, я вчера чуть не поседел, когда увидел, как он тебя целует. Хорошо, что ты успела его усыпить, а то бы началась драка.

– Из дома выйдем после двенадцати, когда все заснут, к шести утра вы должны будете вернуться. Поэтому ложись и немного поспи, я тебя разбужу.

Рудольф лег в постель и моментально заснул. Эми позвонила Полковнику:

– Рудольф согласен вывезти Николаса к тебе на самолет. Отдохни, я за тобой зайду.

Полковник, не раздеваясь, лег на кровать. Заснул быстро.

Эми достала дипломат, упаковала все, что собрала за эти месяцы в клинике профессора Краузе, достала свои тайные иголки, наполнила их сильнейшим снотворным. Завязала волосы в тугий узел, достала свою пиратскую одежду, приготовила маску для Полковника. Посмотрела на часы: половина двенадцатого. Очень тихо прошла по дому, все спали.

«Переодеться в пирата придется у самого госпиталя, нельзя, чтобы Рудольф видел меня в этом наряде», – подумала Эми, вышла на улицу. Машина стояла у ворот, она сунула сверток с маской и одеждой в багажник и пошла будить своих мужчин.

Все на цыпочках вышли за ворота виллы, сели в машину и поехали в гарнизон. У проходной на КПП сидели два солдата, один дремал, второй разглядывал свой телефон. Эми вошла на КПП, через минуту вышла, оба солдата крепко спали. Она открыла ворота и пропустила машину. Села рядом с Рудольфом, подъехали к госпиталю.

– Рудольф, поставь машину вот сюда, за кусты, чтобы из окон ее не было видно. Отец, выходи и жди меня за кустами, я сейчас.

Она подошла к багажнику, вытащила сверток, позвала Адама, отдала ему маску, проверила, правильно ли он ее надел, сама переоделась в костюм пирата и, пригнувшись за кустами, побежали к дверям госпиталя. Все отмычки Эми прихватила с собой, входные двери не запирались, а в отделение, где лежал Ники, она открыла двери в одну секунду. Медсестра дремала за столом, охранник – сидя на стуле у дверей. Эми легонько воткнула и тут же вытащила им иголки. Теперь пять часов они точно проспят. Николай в палате спал. Эми воткнула ему две иголки, за ней в палату вошел Полковник.

– Заворачиваем его в простыню, бери за плечи, а я за ноги, и понесли в машину. Положим его в багажник. Тяжелый какой! Не торопись, Адам, они не проснутся часов пять, – шепотом проговорила Эми.

Уложили Николаса, завернутого в простыню, в багажник. Рудольф положил голову на руль и дремал. Эми сняла маску с Полковника, переоделась, села рядом с Рудольфом, тронула его за плечо:

– Все, любимый, поехали, дело сделано. Этот капитан в багажнике, как проедете все посты, вытащите его из багажника и усадите рядом с папой, ты, отец, будешь его поддерживать, чтобы сонный человек ни у кого не вызвал подозрений. И помните, вам необходимо вернуться к утру домой и лечь в постель. Переполюх в части будет немаленький: больной офицер пропал ночью. Но мы ничего не видели, ничего не знаем, мы спали дома. Да, папочка, как только

выедете из ворот, сразу звони летчику, пусть немедленно едет в аэропорт, иначе как ты этого несчастного посадишь в самолет?

– Слушаюсь, моя милая доченька, все инструкции получили, разреши выполнять, – засмеялся Полковник, улыбнулся и Рудольф:

– Она у нас такая, настоящий командир!

Машина тронулась, выехала из ворот. Эми высадили у дома и, не включая фар, поехали дальше. Эми потихоньку вошла в дом, прошла в свою комнату, спрятала между своей одеждой наряд пирата и легла спать. Проснулась только тогда, когда Рудольф осторожно подвигал ее к стенке.

– Вы уже вернулись?

– Да, милая, уже пять часов утра, все прошло идеально. Этого сумасшедшего погрузили в самолет, живой, но храпит, как пять бульдогов. Не буди меня утром, устал, гнал машину под двести километров.

Рудольф заснул. Эми спать уже не могла. Адам тоже храпел в своей комнате, когда в дом к Генриху позвонил посыльный командира части.

Генрих неохотно поднялся и пошел к калитке. На улице стоял солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.